

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	56
Глава 3	91
Глава 4	142
Глава 5	185
Глава 6	242
Глава 7	272
Глава 8	315
Глава 9	357
Глава 10	407
Глава 11	437

Глава 1

Кто-то сомневался, что дворец — это гадюшник?

Маша и не сомневалась. Она сама здесь тоже как бы лепту вносит, недаром она — гадюка гробовая. Она здесь живет?

Значит, это гадюшник. Все правильно.

Но и придворные... такие гады!

Мария сама еще не сообразила, как получилось, что они с Иоанном оказались в одной постели. Может, условный рефлекс, как у собаки Павлова? Бедная предшественница, она ж за всю свою жизнь только этого своего муженька и видела, на других и не смотрела даже! Ждала от него любви, ласки, да хоть капельки тепла и понимания... зря!

Иоанн, может, и не виноват, у него это просто как у собаки. Нет крыльев, она и не летает.

Нет у него органа, который за любовь отвечает?

Вот и не любит он никого, не может просто. Марию — точно не любит, Анну — а что это за любовь такая, когда родного ребенка неделю не видишь и не страдаешь, и в ссылку с матерью отправить готов, Диану — вообще смешно! Любит он, как же!

Хотеть такие существа умеют, а вот любить...

Вы бы еще свинье станцевать в балете предложили... ой, неудачное сравнение. Глядя на искусство двадцать первого века, они там и так пляшут, контркультура называется. Да и пусть его, тот век, Марии бы здесь и сейчас со всеми разобратся.

Муженек явно собрался утащить ее в спальню и повторить процесс там. Вдохновился, гад?

— Мари, ты такая стала...

Это — комплимент?

Ну ты чё, ваще, блин, конкретна!

Прямо девяностыми годами повеяло. Министр-администратор тот хоть разговаривать умел, а этот считает, что по попе похлопал, и уже его благодарить должны, что ли?*

Точно.

И руки дальше тянет.

Мария, недолго думая, по ним и треснула первым, что подвернулось. Подушкой. И не смешно это, подушка-то из натурального гусиного пуха, такой и прибить можно, если получше целиться.

— Слюни подбери, муженек!

Иоанн даже глаза вылупил.

— А?

— Что неясного? Барахло подобрал и вали отсюда, — Мария шипела так, что настоящая гюрза могла бы только уважительно головой покачать. Вроде и слова не из одних шипящих, а поди ж ты!

— Но я...

— Если я на минуту расслабилась, это не значит, что я тебя вообще видеть хочу. Диана при дворе? Эрсоны тоже? Вот, или ты их отправляешь в монастыри, сей же час, или пошел вон отсюда!

— Да ты... — психанул Иоанн.

Давно известно, что мужикам нельзя ставить ультиматумы. Умный мужчина и так не попадет в ситуацию, в которой надо выбирать под дулом пистолета, а дурак... а дурак при прочих равных всегда выберет плохой вариант. На то и дурак.

Иоанн и вылетел, как был, с голым... неглиже.

Хлопнула громовым раскатом несчастная дверь. Мария тихо хихикнула.

Многое эти стены видели, интересно, а короля, который с голым задом и плохим настроением топает от законной жены жаловаться любовнице? Видели?

Ничего, зато услышат...

* Фильм «Обыкновенное чудо». «Вы... привлекательны. Я... чертовски привлекателен. Чего зря время терять? В полночь. Жду» ©. — *Здесь и далее примеч. автора.*

Ох, главное, чтобы они Анечку не разбудили... чтоб ему по заднице той дверью, да с размаху!

Мария кинулась к дочери, послушала ровное сонное дыхание и пошла одеваться.

Мужья приходят и уходят, иногда и с голым афедронном, а дети остаются. Вот и посидит она с ребенком, еще и спокойнее самой будет.

Ну сволочь ты, Ирена, сволочь! Все из-за тебя, зараза, из-за твоего покушения, чтоб тебе в аду икалось! Понятно, у тебя беда, но ведь других-то за что гробить? Просто потому, что им повезло, а тебе нет?

Точно, сволочь! И не жалко даже, померла — и правильно!

* * *

— Так и запишем. Не выдержало сердце.

Брат Тома придирчиво осматривал тело, или тушу... уж как это назвать, было непонятно и самому ученому. Когда баранья голова на человеческом теле — это как? Еще человек или уже баран?

Голова, правда, превратилась не до конца, оттого и баран получился лысый и с человеческими ушами, но это уже детали.

— Ты доделал?

Брат Винс подошел сзади, погладил Тома по плечу.

— Да, Винно...

— Отлично. Я тоже, так что у нас есть время. — Улыбка любовника была более чем многообещающей.

Брат Винс понимающе улыбнулся и отправился прочь из лаборатории. Тома хотел было остановить его, но Винно качнул головой.

— Нет, не хочу тут. Воняет от этих... пойдем в спальню! Время есть, хочу комфорт! Хочу наслаждаться тобой, не отвлекаясь на холодный пол или неудобный стол.

— Я почти все сделал. Сейчас, только руки вымою и допишу кое-что, это пару минут. Подождешь?

— Конечно, подожду.

Брат Тома отличался скрупулезностью и крайней педантичностью, оттого все признаки заносил в специальную таблицу.

Пары минут ему действительно хватило, вымыть руки, заполнить несколько клеточек и отправиться в постель.

А тело несчастного полубарана?

А что с ним будет?

Полежит до завтра, потом он его зашьет в саван, а куда его денет тейн... это неважно! Куда-то! Сбросят в Ирту, к примеру, с камнем на ногах, или захоронят где, это уже скромного брата не волновало. Он свою работу сделал и может наслаждаться жизнью.

На самом-то деле не так много у человека частей тела. Руки-ноги, голова — туловище, еще половые органы. И внутри, сердце, печень, легкие, желудок, кишечник... это если упрощенно. Вот и отмечал брат, что изменилось, как именно, потом сводил результаты воедино, составлял сводную таблицу... своя графа для каждого человека, и было тех граф уже несколько сотен, и еще больше будет, опыты не прекращаются ни на день, человеческого материала хватает, хотя какой он человеческий?

Всякая шантрапень, разбойники, ворье, нищие... чего их жалеть? Они сами для себя выбрали! Пусть теперь и не жалуются.

Брат Тома не знал, что на его опыты идут и ни в чем не повинные люди, но, если и узнал бы, его такие мелочи не остановят. Даже и задуматься ни о чем не заставят.

Сравнили тоже! Жизни какой-то швали и ЕГО ДЕЛО, способное прославить брата Тома в веках! Смешно даже подумать!

Да, кто бы знал, что так все повернется!

А ведь каких-то двадцать лет назад не знал и не думал Тома ни о чем подобном. Был он тогда обычным переписчиком в архиве и бедным, как церковная мышь.

А хотелось!

Денег хотелось до ужаса! И побольше, побольше! Вот женщин не хотелось, был у Тома такой грех, не нравились ему женщины. Но на извращения надо много, очень много денег. И чтобы скрывать свои пристрастия тоже. А то ведь и на кол посадить могут... в деревнях так до сих пор делают, мерзкие тупые сервы!

Хотя брат Тома себя извращенцем не считал ни в коей мере! У него такие вкусы! И что? Это даже в природе встречается!

То, что содомия даже в природе противоестественна, ему в голову не приходило, так хорошо он биологию не знал. А вот от отсутствия партнеров страдал, и сильно.

Церковь подобные вещи очень не одобряет, даже ТАК сильно, что могут приговорить к пожизненному покаянию. Что это такое?

Скромная жизнь в монастыре, на хлебе и воде и порка раз в месяц. Долго так никто не проживет. Впрочем, альтернативный вариант тоже мало кого устраивает. Кастрация-с.

Если ты так не ценишь дар Предотца, что спускаешь его в отхожее место, то он тебе и не надобен! Отнять — и выкинуть в нужник!

А сам содомит?

А что с ним не так? Прижечь каленым железом и пинка под это место на прощание. Подохнет — его проблемы, выживет — тоже. Это из гуманных вариантов. Остальные еще хуже.

Так что Тома страдал молча и наклонностей своих не проявлял. Правда, и с женщинами старался не связываться. Не хотелось ему... эти бабы! Какие-то они не такие!

А потом появился Винс.

Они совершенно случайно познакомились, Винс пришел составить прошение, и Тома остался помочь ему. Винс и сам был грамотен, но одно дело просто что-то написать, а другое — подать правильно составленную и оформленную бумагу, чтобы к ней прислушались, чтобы начали работу...

Да-да, бюрократия незыблема и вечна.

В благодарность Винс пригласил писца посидеть в трактире, отметить составление бумаги. Тома согласился не раздумывая.

Винс относился к его любимому типу мужчин. Сам Тома был не слишком высок, пухловат и чуточку лысоват, а вот Винс... красавец, как ни погляди! Высокий, стройный, с черными кудрями, с карими глазами с поволокой... бабская погибель!

Не только бабская, как оказалось.

Тома уж на все был согласен, лишь бы видеться, разговаривать... Тома страдал, Тома худел, Тома изо всех сил давил в себе свои чувства и желания, лишь бы Винс не

узнал... пусть ни о чем не догадывается, лишь бы быть рядом! Смотреть на него, разговаривать, допоздна засиживаться с каким-нибудь свитком, которых в ратуше было так много, разговаривать о былых временах, о преданиях, о двупостасных...

Тома с ужасом думал о том времени, когда рядом с Винсом окажется какая-то жадная и злая баба. Почему она будет именно такой?

А вот! Тома просто так себе это и представлял, сначала свадьба и нежные улыбки, потом дети и домашние хлопоты, и вот уже, в его кошмарах друг видится безнадежно опустившимся и утратившим свою красоту, улыбку, полет души... как это страшно!

И дети еще появятся, вот уж воистину жуткие существа! Сам Тома с семьей старался общаться как можно меньше, потому что там было еще пятеро детей, а он... не любил он ни братьев, ни сестер, ни в ком из них не было и капельки того огня, который обжигал душу Тома. Или, если уж прямо, они были абсолютно нормальными людьми.

Дом, дети, семья, работа... плохо ли?

Просто замечательно. Только не для извращенца*.

Тома ждал этого кошмарного дня как казни, и что удивляться, что однажды мужчина потерял над собой контроль? Они с Винсом просто сидели у Тома дома, в маленькой комнате, которую он снимал, пили вино, разговаривали, а Тома в тот день устал больше обычного, и поесть не успел. И его потихоньку, незаметно повело.

Слово за слово, он выпил больше, чем надо, и события понеслись так стремительно, что их и осознать-то толком никто не успел. Даже и сам Тома.

Половину он и сам потом не помнил, только поутру с ужасом сообразил, что они с Винсом лежат в одной постели. И...

Но прежде чем Тома впал в черное беспросветное отчаяние, оттого, что сам до основания разрушил свою жизнь, проснулся Винс... и все у них опять случилось!

Поговорили они только час спустя.

* Этот эпизод введен в повествование для формирования негативного образа, отношения к всякого рода извращениям...

Тома обреченно признался в своих чувствах и услышал ответное признание.

Да, Винс тоже был таким же. И женщины его не привлекали. Он понимал, что это ненормально, старался с этим бороться, но — не мог ничего сделать.

Он может жить с женщиной. Но с мужчиной ему намного лучше и приятнее. Вот, с Тома.

Юноши были счастливы. Но в то же время... как им было жить дальше?

Близость не скроешь, она все равно прорвется, словами, жестами, каким-то произвольным движением, более того, привыкнув вести себя дома более свободно, они легко могут выдать себя на людях.

Как можно пройти мимо любовника, и не коснуться, не обнять, не поцеловать... даже сейчас мужчинам было сложно сдерживаться, а уж тогда-то! Когда все только начиналось, и кровь кипела, бурлила, руки так и тянулись, блудливые!

И что можно со всем этим сделать?

Да ничего! Не видели любовники выхода, не было его. В лес бежать, там, в уединенной хижине жить? Так ведь не смогут они, они люди городские, цивилизованные, они охотой и рыбалкой не проживут. А огород и вообще за гранью возможностей. Тома до сих пор полагал, что морковь на дереве растет... разве нет?

В Шагрен?

Говорят, там к таким наклонностям более лояльны, да вот беда — среди шагренцев. А Винс и Тома там были чужими, чужими и останутся. Кто их на работу возьмет, кто им кров и пищу даст?

Мужчины медленно, но неотвратимо впадали в отчаяние. Оставаться нельзя, бежать некуда, и что делать? ЧТО?!

А потом Винс совершенно случайно наткнулся на это письмо. Как уж оно попало в ратушу? Да случайно, наверное, просто пошла последние сто лет такая мода, завещать городу книги.

А книги — это дорого, ОЧЕНЬ дорого. Они рукописные, их переплеты щедро украшены и серебром, и тиснением, так что дары принимались с благодарностью и радостью. Потом уж из них изымались какие-то тома для подарков,

что-то прилипало к рукам чиновников, что-то копировалось и переписывалось для других городов и монастырей. Винс этим и занимался, почерк-то у него был отличный, и введливости хватало, и усидчивости, и терпения.

Вот, в одной из книг он это письмо и обнаружил.

Милая сестра!

Знаю, как ты переживаешь за свою дочку, за милую Аврору! Скоро уже малышке можно будет проходить инициацию!

Я хочу рассказать тебе, как обрел своего зверя мой сын.

Санто родился слабеньким и хлипким, ты знаешь, как я переживал за него, и один человек, не стану называть его имени, посоветовал мне верный способ, которым я и воспользовался.

Я боялся, что мой сын не перенесет инициации. По словам моего друга, которого я пока не назову, этот метод дает гарантию обретения зверя.

*Примерно за месяц до инициации ты должна начать давать девочке частицу кого-то из ее предков. Не свою кровь, нет, ты знаешь, что так и получались настоящие чудовища. А вот если брать частички праха... ты помнишь, я приезжал в поместье к брату перед инициацией Санто! Я тогда вскрыл гробницу деда и извлек оттуда несколько костей. Растер их в порошок и принял за подсыпатель его Санто в пищу. Как я понял, наша кровь слишком сильная, а вот в мертвых частицах силы меньше. В то же время они сохранили память своего хозяина. Наш дед был медведем, и Санто тоже смог обернуться медведем, правда, маленьким, но это полноценное животное. Такое забавное, со светлой морщинистой мордочкой, длинным языком и жуткими когтями, но это самый настоящий медведь...**

Может быть, мой совет поможет и тебе.

Я очень хочу, чтобы племянница полноценно прошла инициацию!

*Твой любящий брат
Эрр И. Ахон.*

* Санто обернулся самым маленьким медведем в мире, бируангом.

Чего еще было в достатке у Винса, так это любопытства.
Род Ахон?

Надо бы посмотреть, проследить, у него есть два имени. Некто И. Ахон и Аврора. Санто? Имя или уменьшительное прозвище? Надо искать...

И Винс углубился в изыскания.

Да-да, пока двуипостасные были в силе, все это проходило и через ратушу в том числе. Там же находились все сведения о землях, которые передавались из рук в руки... Раньше было как? Эррами могли быть только двуипостасные, остальные — иссы. Допустим, в семье эрра родилось шесть детей. Из них двое смогли получить вторую ипостась, четверо — нет. То есть четырех детей лишали титула, они получали другую фамилию, к примеру, не Ахон, а Ахонт, Ахонес, и становились иссами. Те, кто смог обрести своего зверя, становились эррами. И могли равно наследовать родителям или получить свой кусок земли от короля.

Естественно, все документы отправлялись на утверждение королю, а копии их оседали в ратушах. И хранились очень тщательно, градоправители знали, что в любой момент с них могут за это спросить. Какие там мыши-крысы! В ратуше постоянно жило штук двадцать котов, которых, конечно, подкармливали, но и мышей эти хвостатые давили немерено. Тот, кто приходил на работу последним, по традиции, убирал за скотами тушки мышей. Единственный кошачий недостаток — добычу эти хвостатые твари сносили на главное крыльцо ратуши. Все и ругаться уже перестали.

Итак, род Ахон!

Своего И. Ахона Винс нашел очень быстро.

Ивар Ахон, сын — Санторино Ахон, сестра Ивара — Катарина Ахон, ее дочь Аврора — и все эрры.

Кто бы ни дал Ивару этот совет, он не прогадал, потому что эррами они оставались и впредь. Не все в роду, но один-два эрра там были обязательно. Вплоть до темных времен Данакта.

Снадобье действовало?

Винс задумался.

А если... если известно, что порошок из кости эрра может дать малышу вторую ипостась, то... почему нет? Те,

кто становился иссами, они ведь просто уходили жить дальше. Их не убивали, им не отказывали от дома, им даже помогали. Просто иссам и эрам тогда было сложно понять друг друга.

Двуйпостасные, этим все сказано.

Вопрос: А если сейчас повторить этот опыт? Получится ли у человека обрести вторую ипостась?

Винсу стало интересно. Только вот... подопытных эрров или иссов не предвиделось. Всем хотелось жить.

С другой стороны... не один же Тома был у Винса. Тома — это любовь, это высокие чувства, но есть же и приятели, с которыми Винс ходил в трактиры, пил пиво, да и по бабам тоже ходил, пусть неохотно, но — надо. Надо быть, как все, не то тебя заклюют.

Вот однажды приятель-сослуживец ему и пожаловался. Мол, дядя, старый пень, живет уж восьмой десяток лет, никак не скопытится. А приятелю не помешало бы наследство!

Только вот рассчитывать на него не стоит, дядя и еще лет десять проживет, до сих пор служанок за задницы хватает, поди! А что-то сделать с ним... да какие уж тут убийцы? Может, после дядиной смерти он чего и получит. Так ведь ее еще дожидаться надо, а убийцы без предоплаты не работают. И убийца потом его шантажировать сможет. Боязно! И хочется!

А Винс знал, что дядя-то у сослуживца — эрр.

Покопался он в архивах, выяснил, что предки этого эрра могли превращаться в лиса... да, не прямые, по побочной линии, а дальше все было делом техники. Легко найти того, кто вскроет могилу, еще легче забрать из нее пару костей, истереть в порошок и смешать их с солью. Это сейчас Тома и Винс знают, что делать так нельзя, ни в коем случае нельзя, а тогда-то! Ему и в голову не пришло ничего... хотелось просто посмотреть, что и как.

Любящий племянник и подмешал эту смесь в мешок с солью в доме дяди.

Результат?

А вот...

Кто ж знал, что дядя тесно дружит с эрром Аюоши. Отцом тейна.